

— С 15-го по 25-е июня я пробыл в Ленинграде, причём часть этого времени вместе с Сашулей и Митей. В эти дни наша кафедра отмечала юбилей - 60-летие, мы с Сашулей были официально приглашены, и Саенко оформил Сашуле командировку к заказчику. У меня тоже были дела на "Векторе", а кроме того предстояла защита Кукушкиной, которой я должен был оппонировать.

— На юбилейные заседания в Петергоф я не ездил, ничего интересного там не было, а на банкет мы с Сашулей, конечно, явились. Проходил он в новом просторном ресторане в Нижнем петродворцовом парке. Народу собралось много, но кроме Лариски и Аллочки наших близких друзей почти не было. Кошелевский, Аля и Игорь Петровы, Люся и Саша Пороховы, Наташа Чичерина да Арсений Липатов, вот и всё, пожалуй. Приятно было их увидеть, поболтать о том, о сём, особенно с Игорем о любимом нашем "Зените", который шёл вроде бы в гору.

— Не было Лялиной, Оберца, Димули - отца Ианнуария, Таньки Рассказчиковой, Мишки Крыжановского, Силиной, Дубатовки, Лизунковой. Никогда не увидим больше Мишку Родионова. У Наташи Чичериной я пытался разузнать об отце Ианнуарии, как он там, ведь она регулярно ходит на службы в церковь при Академии.

— Наташа очень строгим тоном, поджав губы по своему обыкновению, сообщила мне, что отец Ианнуарий очень занят, буквально сжигает себя:

— Такие люди в пятьдесят кончают инфарктом, - тем не менее он никогда не отказывает никому из желающих встретиться и поговорить с ним, но этим не следует злоупотреблять, и только уж если очень надо... - последние слова Наташа произнесла очень многозначительно.

— Рискаю показаться ей непонятливым, я переспросил, что значит - очень надо:

— Я бы очень хотел его видеть, но не знаю, насколько мне это нужно.

— Вот когда ты не сможешь без этого обойтись, тогда и иди к нему.

— Но я в любом случае не мог бы увидеться с отцом Ианнуарием: на следующий день я возвращался в Калининград к оставленной там Ирине, а Сашуля с Митей поехали во Владимир навестить родных.

Зато повидался я с Борисом Евгеньевичем (на защите Кукушкиной, на кафедральный банкет он почему-то не пришёл), который выглядел всё так же подтянуто и молодо в свои уже семьдесят лет. Наша встреча с ним носила в этот раз не просто лирический, а прежде всего деловой характер.

Ещё в начале года в ответ на моё поздравление с семидесятилетним юбилеем Б.Е. прислал мне письмо, в котором, между прочим, напомнил о своём давнем желании написать книгу об ионосфере вместе со мной. Вот это письмо.

— Дорогой Саша!

— Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой. Мне для своих личных дел понадобилось отчитаться о судьбе аспирантов, у которых я когда-то был руководителем. В этой связи я должен сообщить - когда ВАК утвердил Вас в степени кандидата наук.

— Напишите, пожалуйста!

— Ваша диссертация с Вашего разрешения отослана в Харьков и там по крайней мере два учреждения проявили горячий интерес к её содержанию.

— Между прочим - мне всегда, по крайней мере много лет, хотелось предложить Вам или посоветовать Вам написать книгу об ионосфере. Разумеется, мне и самому хотелось бы принять участие в её составлении. Свою роль я понимал бы как подборку и осмысливание результатов исследований методом некогерентного рассеяния, выполненных за рубежом, ну а от Вас, или Ваша часть - это процессы в ионосфере и их физико-математическое осмысливание.

— В прошлом я не решался делать Вам такое предложение; в настоящем письме это пришлось к слову, между прочим, потому и пишу. Но если бы Вы отнеслись к такому предложению серьёзно - я был бы очень рад.

— В отпуск уйду 6 июня, около 10 июня уеду в Ленинград и вернусь к 1 августа. Ответ, если напишете, лучше прислать в Апатиты. Ленинградский адрес, на всякий случай: 195112, Новочеркасский проспект, 40, кв.65, тел.221-26-85.

Наилучшие пожелания всей Вашей семье,
Ваш
Брюнелли.

Не думаю, что, когда Б.Е. писал это письмо, он серьёзно надеялся на мой положительный отклик. Так, мечтания - хорошо бы! А я взял, да и откликнулся. Давайте, мол, Борис Евгеньевич! Согласен под Вашим руководством, то есть, рассчитывая прежде всего на Вашу инициативу.

Действительно, писать самому монографию на основе своей диссертации, как советовали мне многие и тот же Б.Е., мне уже не хотелось, неинтересно было, хоть и планировал себе на 82-83-й годы. Браться же одному за книгу более широкого плана было страшновато, да и это заняло бы почти всё моё рабочее время.

С другой стороны, я отчитал только что курс лекций по физике ионосферы на Серёжиной кафедре и заново поднял для себя весь предмет. Работа над большой моделью тоже заставила меня интенсивно расширять ионосферный кругозор, а это всё способствовало бы написанию монографии по физике ионосферы, если бы я за такую взялся.

Вспоминая же прекрасные лекции по аэронамии, которые читал нам Б.Е. на пятом курсе, можно было надеяться, что вдвоём мы бы справились с задачей. Если Б.Е. действительно возьмётся за это дело и будет лидером, а я ведомым, то отчего же не попробовать?

Так я ему и написал. И предложил для начала изложить свои представления о возможной будущей книге, её объёме, содержании, для кого предназначена и т.д., и т.п. Надобность в обширной монографии по физике ионосферы была несомненна: все вышедшие отечественные и переводные давно устарели, и написать такую книгу для широкого круга специалистов мне было бы лестно, а вместе с Б.Е. - особенно приятно. Но всё же - в чём должно проявиться наше лицо?

Идея Б.Е. была в следующем: изложить физику ионосферы с позиций преимущественно двух новейших методов исследований: наблюдательного - метода некогерентного рассеяния радиоволн и теоретического - метода математического моделирования. По первому специалистом можно было считать Б.Е., он соавтор монографии по некогерентному рассеянию, а по второму - меня. Я согласился принять эту идею за основу и предложил при встрече в Ленинграде обговорить наши дальнейшие действия.

И вот встреча состоялась. Мы подтвердили друг другу окончательность и серьёзность намерений писать совместную книгу, в которой попытаемся изложить всё, что мы с ним знаем про ионосферу, и договорились, что следующим шагом будет первая попытка плана или его конспекта, который Б.Е. составит и пришлёт мне, от чего и будем отталкиваться для составления окончательного рабочего плана. Нас даже охватил порыв некоего энтузиазма при этой встрече - а что, и в самом деле, чем мы не Чепмен и Акасофу?

(продолжение следует)